

Банг Ла никогда не было слова прощай

Зонтики от солнца и шезлонги по всему заливу были убраны по приказу переворотчиков начисто. Не успев пройти дню, внезапно открылся пляж, пустынно простиравшийся вдоль изгиба до самой каменной гряды на дальнем конце залива, едва видной вдали. Лишившись пляжных лежаков, туристы расстилали полотенца, чтобы позагорать. События дневные — люди всё ещё стояли, не веря своим глазам, прежде чем расстелить ткань и присесть, оглядываясь вокруг, словно впервые открыв для себя пляж, который никто прежде не обнаруживал.

Хинпха стоял посреди этого недоумения. Муссон приближался. Сильный ветер нёс солоноватый морской воздух в глубь города. Понятно было, что ритм морских волн поднимался всё выше, как свойственно муссонному сезону. Ветер, который налетал порывами, уносил белую пену далеко за горы. Куда могли исчезнуть зонтики и пляжные кресла? Утром ведь ещё видели их. Кто-то пробормотал с удивлением. Он

сидел, глядя сквозь свирепые волны на горизонт. Пока взгляд устремлялся в даль, душа обращалась к самому себе. Он чувствовал, что и сам никуда не денется. Этот остров обладал магией, притягательной силой, что была неистойвой. Вернувшись в этот раз, всё снова изменилось.

Когда босые ноги коснулись пляжа, Хинпха вспомнил дорогого друга Букберда. Оба были детьми без будущего из деревушки. Букберд — это прозвище того, у кого глаза смотрели в разные стороны. Когда он смотрел на кого-то, казалось, что смотрит мимо головы. Это было забавно. Хинпха и Букберд любили велосипед всей душой. Ездили и оставляли его у прудов на опушке леса, чтобы искать мальков бойцовых рыбок. Черпали их в мешочки, чтобы растить в бутылках для петушиных боёв с детьми из других домов. В классе друзья любили называть Букберда «Бак кхи-пык». Пык означает «глупый». Кхи-пык — это насмешка над тем, кто любит глупить. Потому что мозг Букберда никогда не мог запомнить изучаемые буквы, и учитель регулярно его наказывал. Тем не менее в жизни под открытым небом — рыбалке, охоте на птиц — Букберд был непревзойдённым, трудно было найти ему равного. Из-за своей приниженности он рассказал свою мечту Хинпхе: однажды он непременно попадёт в газеты как знаменитость, вот увидишь. Оба выросли вместе в деревенском быту, пока в юности их жизненные

пути не разошлись. Хинпха пошёл работать на завод в промышленном районе. Мелькал то в одном, то в другом заводе в тех краях. Букберд пропал на несколько лет, но всё ещё присылал домой весточки лишь о том, что скитается на юге. Хинпха тяжело работал, копил деньги, пока не смог купить трёхколёсный велосипед и оборудование для гриля. Тогда он уволился с рабочего места и стал продавать жареные фрикадельки. Едва проработав год, в один день Хинпха ехал мимо одного роскошного магазина и услышал знакомый голос, который кричал. Он обернулся и увидел Букберда, который бежал к нему с очень радостным видом. Хинпха едва поверил своим глазам, увидев друга в состоянии, изменившемся до неузнаваемости. Кожа Букберда была чёрной, как сажа под пароваркой. Он носил яркую одежду, тело под рубашкой выглядело мощным и крепким. Букберд представил Хинпхе женщину, которая пришла с ним. Это была японская девушка, красивая, с бело-розовой кожей, фигурой, как у модели, на локоть выше Букберда. Букберд рассказал Хинпхе бурную историю своей жизни. Его жизнь была подобна судьбе того, кто сумел разорвать небесное предначертание. Хинпха не мог представить, что Букберд из далёкой глухой деревушки, беспризорный ребёнок без будущего, как и он сам, смог зайти так далеко. Он так волновался от его рассказов, что не мог усидеть на месте. Мир Букберда казался Хинпхе чудесным. Он также узнал, что прекрасная женщина,

которая пришла с ним, была лишь спутницей для развлечений, с договорённостью брать её туда, куда она захочет, и что их время вместе закончится всего через несколько дней. Тупой друг Хинпхи превратился в смелого человека. Ловкого в делах состоятельных людей, так что сам он стал тупым и неуклюжим вместо него. Когда Хинпха спросил, чем он занимается, Букберд ответил, выпятив грудь с полной гордостью:

«Я пляжный парень, таскаю зонтики на пляже».

Тогда Хинпха всё ещё недоумевал, зачем он их таскает — всего лишь зонтики от солнца. Он понимал, что тот возит зонтики, раскрывая их утром и убирая вечером. Букберд объяснил, что зонтики, которые он таскает, используют мощный моторный катер, прицепленный к большому парашюту. Тащат в море, поднимая людей высоко над пляжем, чтобы они могли увидеть пейзажи вдаль. Как ни старался он объяснить, тогда Хинпха всё равно не мог себе представить, пока Букберд не подшутил над ним, назвав дураком.

Букберд дал ему адрес, уговаривая, почти принуждая Хинпху приехать к нему. Тот решил недолго думая, продал трёхколёсный велосипед, закинул рюкзак на плечо и сел в автобус. Утром следующего дня автобус переехал через мост на остров. С этого момента мир Хинпхи уже не был прежним.

Звук морских волн гремел. Хинпха пошевелил ногами, изменив позу. Заметил, что на пляже торчат красные флаги в ряд. Это сигнал, предупреждающий туристов о силе ветра и морских волн. Купание было рискованным. Сегодня небо затянуто. Облака поглотили весь небосвод. Воздух был прохладным и приятным. Несколько китайских туристов стояли в очереди на парашют. Все были молодыми девушками с хорошенькими лицами. Четыре-пять тёмнокожих бирманских парней, таскающих парашюты, кричали и галдели. Многие были без рубашек. Один выглядел как главный, в обтягивающей красной майке с татуировкой черепа, оборванной на плече. Следующий в очереди турист — белокожая девушка в больших круглых солнечных очках с синей оправой. Тем временем главарь пытался приблизиться к ней с целенаправленным взглядом, чтобы завести разговор и флиртовать с определёнными намерениями. Прогулочный катер предыдущего захода примчался, волоча за собой развевающийся парашют к пляжу по истечении времени. Ещё одна китаянка безопасно опустилась на песок. Девушка заняла её место. Несколько парней, таскающих парашюты, суетились вокруг неё, чтобы надеть спасательный жилет и проверить железные крючки, удерживающие стропы парашюта в разных позициях. Когда всё было готово, один из них подал сигнал катеру отплывать. Её фигура медленно поднялась и поплыла. Парень в красной

майке прыгнул и повис на стропах парашюта над её головой. Катер потащил парашют в море. Оба человека висели, поднимаясь всё выше и выше. Эта картина пробудила глубоко дремавшее прошлое Хинпхи. Пляжный парень сидел, прицепившись к парашюту без всякой защиты, следя за порядком для туристов как при подъёме, так и при спуске парашюта на землю. Он должен был сначала спрыгнуть на землю, чтобы утяжелить стропы парашюта и дать туристу мягко приземлиться. Картина мускулистого загорелого мужчины, прыгающего и хватающегося за стропы парашюта снова и снова. Хинпха и Букберд когда-то были там наверху. Наложённые на фигуру мужчины, который плавал и парил в другом отрезке времени.

Букберд водил разных иностранных девушек, не повторяясь. Должно быть, у него были превосходные личные качества, которые полностью скрывали его косоглазие. Хинпха всюду следовал за Букбердом, безоговорочно признавая его старшим братом. Оба жили как демоны мира долгие годы. Пьянствовали по ночам, а днём висели в небе. Бывало, что Букберд уезжал с женщинами в другие города на месяцы. Страсть и очарование уводили его далеко-далеко. Но затем любовь к пониманию поворачивала его голову обратно. Он возвращался подавленный, как птица со сломанным крылом. Оба дорогих друга всегда могли начать заново и простить себя. Только всегда начинали

в том же порочном круге, который оба никогда не понимали.

Но затем самый печальный день Хинпхи совпал с сезоном муссонов. Смерч, который называют ветром одержимых духов, закрутился неистово, и никто не успел приготовиться. Водно мгновение он унёс парашют на дорогу без сопротивления. Женщина-турист из-за границы была тяжело ранена, кости рук и ног сломаны вдребезги. Но Букберду не так повезло. Хинпха бежал за парашютом, не думая о жизни. Букберда унесло дальше, чем кто-либо мог предположить. Хинпха поднял искореженное тело друга, лежащее на красной дороге. Букберд открыл глаза, полные крови, посмотрел на него. Захрипел дважды, прежде чем затихнуть. Хинпха стоял посреди дороги, держа друга на руках. Он чувствовал, как вся дорога закружилась, прежде чем рвануть прочь от него. Утром ещё одного дня трагедия Букберда и девушки-туристки появилась на первой странице некоторых местных газет. После этого его имя быстро исчезло и было забыто. Никто не задерживается надолго, чтобы помнить, восхвалять, превозносить или поносить что-либо в стремительном потоке пляжного общества.

Солнце клонилось к закату, прижимая свет к поверхности волн. Слабо касалось вершин деревьев на горе, становясь всё слабее перед наступлением

тьмы. Туристы на пляже превратились в чёрные тени, медленно движущиеся. Гидроциклы увозили на хранение. Последний катер с парашютом исчез в сумеречном свете. Хинпха поднялся, отряхнул песок с брюк. Повернулся и пошёл вверх по низким ступенькам из штампованного бетона, направляясь по короткой дороге туда, где он и Букберд когда-то прятались. Тот говорил со своей обычной дерзостью, что у дьявола должно быть кладбище, и Банг Ла — его кладбище. Он спорил с ним, что Банг Ла — это наши райские врата. Тот только смеялся от всей души. Это было время, когда он слышал имя Суанья — человека, которого ветер одержимых духов не смог убить.

Хинпха и Букберд часто шлелись играть в карты в Оазисе. На самом деле это была тайная комната тётки Сват. Она была женщиной, торговавшей наркотиками для белых во времена хиппи. Букберд как-то прошептал Хинпхе, что вся уродливость мира собралась в одной тётке Сват. Потому что она была маленькой и тощей, как дикарка, с плоским носом, от природы чёрной кожей, а ещё покрасила волосы в рыже-золотой цвет, режущий глаза. Как ворона с перцем чили на голове. Говорила пронзительным, раздражающим голосом и любила смешивать тайские слова с английскими. Но она была всем для Оазиса. Казалось, все закрывали глаза на эти недостатки. Потому что иногда, когда она ловила белого, члены Оазиса тоже жили припеваючи.

У неё было всё, кроме морали. Много раз кому-то из Оазиса приходилось помогать натянуть саронг, чтобы прикрыть промежность, когда она лежала пьяная вдрызг с раскинутыми ногами у дороги. Но всё равно все её уважали и любили, считали опорой души. Оазис — название, которое тётя Сват дала сама. Находился в узком переулке в центре Банг Ла. Вход был через переулок мимо ресторана карри по-бангкокски, ресторана еды на заказ по-чианграйски до самого платного туалета. Затем протиснуться через ещё более узкую щель. Тётя Сват обнаружила Оазис случайно. Рассказывали, что она с каким-то пьяным белым забрались трахаться в щель в тех краях. Стены с трёх сторон были задними концами трёх развлекательных заведений, оставляя узкое треугольное пространство. Вход настолько узкий, что можно протиснуться только боком по одному. Двигаясь боком, пока не почувствуешь удушье, едва выносимое из-за трудного дыхания, и тут же выныриваешь во внутреннее пространство. Зал достаточно широкий, чтобы вместить десятки людей, сидящих головами вместе. Тётя Сват утверждала, что она первооткрывательница. Поэтому она единолично претендовала на права над этим тайным местом. Оазис прятался как вакуум. Был свободен от огромной массы движения ночного бизнеса Банг Ла. Был ничейной треугольной землёй, так что иногда тётя Сват хвасталась полушутя-полусерьёзно, что она одна из миллионеров, у которой есть собственная земля в центре греховной земли.

Вход в Оазис находился за общественным туалетом, скрытый старой клеёнкой. Никто не знал о его существовании, кроме постоянных членов, поэтому они могли спокойно играть в карты, не боясь полиции. В общественном туалете находился дядя Мэо, который был одновременно привратником и членом Оазиса. Тётя Сават обустроила эту территорию на свои средства — провела электричество, водопровод, защитила от дождя, сделала вентиляцию через маленькую щель между зданиями, откуда почти постоянно дул ветер. Эта территория, которую все привычно называли Оазисом, стала местом, куда члены приносили своё одиночество, встречаясь здесь, беседуя, расспрашивая о новостях из родных мест, говоря о заработке, шутя и балагурия — в основном на пикантные темы.

Кроме того, Оазис служил местом для совместных трапез, где каждый приносил свою еду, и комнатой для игры в карты в дневное время. Сюда заходили люди всех полов, не стесняясь друг друга. Члены понимали, что нельзя войти в Оазис, если у входа висели старые тёмно-красные стринги — это был знак того, что внутри уже собралось максимальное количество людей.

Почти все в Оазисе работали на улице Банг Ла: девочки из бара «А-того», хостесы, боксёры, работники ресторанов, но большинство составляли танцовщицы,

которые работали у стальных шестов. Хинпха была знакома с несколькими из них. Одна давно танцевала в «а-гого», когда они встретились снова — у неё уже был муж-иностранец, и она собиралась переехать в Европу. Она зашла попрощаться с Оазисом, сказать членам прощальные слова перед тем, как отправиться по своему пути.

Хинпха однажды спросила, что она чувствует к стальному шесту. Ответ был: «Этот шест — моё благословение». При этом она добавила, что муж-иностранец даже не знает, что она танцевала в «а-гого». Их любовь зародилась в торговом центре в самом сердце города. «Жизнь как сон», — сказала она. После отъезда её больше никто не видел.

Букберд сказал мне, что в Оазисе нет ничего приятного, кроме разговоров с такими же несчастными людьми, встреч с теми, кто борется за свои мечты точно так же — мечтают, что иностранцы дадут им богатство и деньги, увезут в развитые страны, где вся нация будет жить в достатке. Оазис успокаивал членов. Какой бы ни была эта улица, ночью она превращалась в рай, который никогда не спит, для людей со всего мира.

Старшее поколение исчезло, умерло, бары переходили из рук в руки, обновлялись снова и снова. Хинпха поняла позже, что среди ослепительных огней

скрывались тайные территории — земли, захваченные и поделённые на сферы влияния в темноте. Но Оазис не входил в их число.

Пришла весть, что Саванья вернулась. Тётя Сават устроила приветственный банкет в Оазисе, разыграла по жребию право участвовать только десяти людям. Хинпха была одной из них. Он с нетерпением ждал встречи с Саварьей, но когда настал день, он напился до беспамятства на несколько дней и ночей подряд и не пришёл на банкет. Он извинялся и просил прощения у тёти Сават. Она сказала, что не знает, когда Сванья снова вернётся в Оазис.

Через несколько лет после того, как Букберд ушёл по ветру смерти, Хинпха всё ещё в основном катал туристов на парашюте и изредка служил спутником отважных одиноких девушек из других стран. Зарабатывал день за днём без всяких гарантий, не зная, в какой волне ветер резко изменит направление и швырнёт парашют-спасатель на дорогу разбитыми костями, как случилось с его другом. Хотя он никогда не голодал, жизнь крутилась только в этом кругу.

У Хинпхи не было такого везения с женщинами, как у Букберда. Тогда он не думал, что попал в водоворот блаженного опьянения огнями и красками, пока однажды не произошло нечто неожиданное —

он встретил незнакомца, который приехал отдыхать с женой и сыном. Пока они ждали очереди на парашют, Хинпха болтал с ним ни о чём, не обращая больше внимания, чем на обычного клиента. Пока они парили над синим морем, незнакомец протянул Хинпхе книгу, сказав, что пусть возьмёт почитать. Хотя это было не время дарить подарки на такой пугающей высоте, Хинпха сунул книгу за пояс брюк. Он подумал с усмешкой — есть же люди, которые дают книгу вместо чаевых.

Вечером того дня в Оазисе поползли слухи, что Сванья снова вернулась. Он всё время бродил и болтал с группой западных женщин на пляже, потому что положил глаз на одну молодую девушку среди них, и снова разминулся с Саварьей. Он хотел встретиться с Саварьей только для того, чтобы спросить в лицо, как она смогла спастись от смертельного ветра, и ещё одна вещь, которая его интересовала — как Сванья смогла вырваться из того же жизненного круга.

Трудно поверить, что именно та книга вывела его из круговорота повторяющихся жизненных сцен. Тот незнакомец сказал, что это литература. Он не знал, что такое литература, но прочитал всю книгу быстро только потому, что главный герой катал людей на парашюте у берега моря, как и он. Перечитав несколько раз, Хинпха захотел прочитать и другие

книги. Зашёл в книжный магазин и спросил, есть ли у них литература на продажу. Никто из продавцов не знал, что такое литература, но менеджер магазина отнёсся к нему с большим уважением, провёл к полкам с разнообразными книгами, дал отличные рекомендации, совершенно не обращая внимания на его тёмную неприглядную внешность.

Тогда Хинпха достаточно сильно удивлялся, чем хороша литература, но продолжал читать книги как наркоман несколько лет. За это время Хинпха попробовал учиться рисовать портреты, как старшие знакомые с улицы Банг Ла, а также работал подмастерьем у тату-мастера — помогал переводить эскизы, наносить узоры на тела клиентов, готовить краски, наполнять трубки, макать иглы, подавать всё, что требовалось мастеру.

Литература и разнообразные персонажи завели Хинпху очень далеко от старых путей. Он рисовал портреты, когда работы в салоне было мало, брался за мелкие татуировки — делал контуры, тушёвку, заполнял чёрным большие площади в татуировках, помогал в периоды, когда клиентов было слишком много. Через несколько лет, когда накопил достаточно денег, он захотел осуществить мечту, которую обещал выполнить вместе с Букбердом.

В день, когда Хинпха пришёл в Оазис попрощаться с тётей Сават, он сказал ей, что отправится в дальнее путешествие на велосипеде. Она засмеялась, подняла ногу, чтобы благословить его вместо рук, потому что руки были заняты раскладыванием карт. Тётя Сават всегда говорила о Саварье — что когда-то она была одной из первых девочек, катавших туристов на парашютах у пляжа, сама оплатила своё обучение до диплома. Тётя Сават сказала, что Сванья всё ещё возвращается, поэтому и он тоже должен вернуться в Оазис.

Он никогда не видел лица Саварьи, только слышал рассказы. Сванья стала самой обсуждаемой историей в Оазисе. Она настаивала: «Пусть другие делают что хотят, но Хинпха должен вернуться, как Сванья». Он не дал ей твёрдого обещания, только улыбнулся и вышел. К тому времени многие знакомые лица исчезли, пришли новички, которых стало слишком много для карточной игры, но он знал, что сколько бы людей ни было, тётя Сават изменит правила так, чтобы все могли играть.

Хинпха вышел из Оазиса, поехал в город купить горный велосипед мечты, прикрепил багажник сзади, купил необходимое снаряжение, привязал рюкзак к багажнику и начал ехать с острова. Ехал и ехал без определённого пункта назначения. Где застанет вечер

— там и ночевал. Когда деньги почти закончились, останавливался рисовать портреты на заказ на рынках. Зарабатывал то больше, то меньше, когда зарабатывал побольше — откладывал на книги. Прочитав, передавал другим по пути. Ехал всё дальше и дальше. Начинался новый мир. Медленный и спокойный. Исчезающий, как нить пр...

Хинпха ездил на велосипеде по незнакомым местам, ведя ежедневные записи в толстых тетрадах, которые терялись по дороге. Так и не встретив свою возлюбленную Саванья, он вернулся в Банг Ла, когда всё внезапно изменилось. Он всегда заходил в Оазис. Хинпха начал писать записки на листах бумаги, оставляя их в Оазисе без указания даты. Для него в Банг Ла не было времени, и он не задумывался о причинах своих поступков, лишь чувствовал, что Саванья вернётся в Оазис.

Первую записку он оставил со следующими словами

Моя Сванья,

В тот день я переходил дорогу, сворачивая в переулок Банг Ла. Мирские люди готовились окунуться в свои ночные забавы. Я направлялся напрямик к Оазису, трепеща от предвкушения. Мне виделась тётя

Сват, играющая в карты на последних руках перед окончанием партии - немытая, обрызганная дешёвыми резкими духами, с алыми губами, готовая выйти на охоту за иностранцами.

У входа в переулок я прошёл мимо бродяги с всклоченными длинными волосами, чьё тело покрывала грязь и копоть. Он укутался множеством пластиковых пакетов, связанных между собой, словно панцирь. Я проскользнул в Оазис, но застыл в одиночестве - моё святилище превратилось в руины, заваленные мусором и отбросами.

Размышляя, что произошло и что делать, я вспомнил, что в нескольких пивных барах должны быть знакомые лица. Меня мучило недоумение - куда исчезла тётя Сват? Выйдя к устью переуллка и погрузившись в тяжёлые раздумья, я почувствовал, как чья-то рука схватила меня за лодыжку. Вздрогнув от неожиданности, я увидел улыбку, полную зубов, покрытых жёлто-серым налётом. Всмотриваясь в изумлении, я воскликнул: "Тётя Сват!"

Я опустился рядом и несколько раз окликнул её. Она лишь мимолётно улыбнулась, затем повернулась спиной, больше не обращая на меня внимания. Я стоял там долго, объятый скорбью - никогда прежде не испытывал такой пронзительной тоски.

Брёл вдоль пивных баров, где слепящий неон переливался, словно драгоценные камни, покрывая каждую пылинку Банг Ла. Вывески “Купи одну - получи вторую бесплатно” качались на ветру, будто живые. Ночь мгновенно наполнилась оглушительной музыкой, слова в которой различить было невозможно. Мелодии сплетались в звуковом мареве, но если прислушаться внимательно, можно было расслышать лишь глухой, настойчивый барабанный бой.

Никто меня не узнавал. Странно, но и я их не помнил. Знакомые лица исчезли - не осталось ни единого. Я размышлял, как долго отсутствовал в Банг Ла. Точно сказать не мог, но мне казалось - совсем недолго. А может, здесь время течёт слишком стремительно, и я не поспеваю за ним? Возможно, оно мчится в сотни и тысячи раз быстрее всех мест, что я посещал. Так что невозможно понять, что случилось с Оазисом или какая беда постигла тётю Сват.

Внезапно меня озарило новое понимание: записанная история жизни - не единственная истина. Истина природы в том, что ничего записать нельзя. Я вернулся, вспомнив о дорогом друге, которого унесли злые ветра».

В один из дождливых сезонов он обнаружил записку Сванью, которая была бережно сохранена так, что чернила не поблекли от времени

«По крайней мере, я провёл здесь целых три недели. Погружался в себя, восстанавливал ясность воспоминаний для рассказа о пляже, переулке Банг Ла и тётке Сват - чтобы завершить им свой новый сборник. Не знаю, как назвать эту историю. Каждый день я проходил мимо устья переулка, где когда-то был наш Оазис, и спускался к пляжу, неся еду для тёти Сват. Она меня не узнавала. Оазис разрушен, но Банг Ла всё ещё жив»

Прочитав это, Хинпха сел и написал короткую записку

«Моя Сванья, не помню, сколько раз я приезжал в Банг Ла. Моё прошлое в этом месте стирается с поразительной быстротой. Велосипед-спутник уносит меня в бесконечную даль. Одинок, но не ощущаю одиночества. Я стал одним из туристов, что бродят здесь толпами. Тётя Сват исчезла со своего обычного места. Остаётся лишь оставлять свёрток с едой и уходить. Беру мольберт и иду к морю»

Спустя много лет Сванья оставил в Оазисе запись, которая заставила Хинпха обратиться к прошлому в день, перевернувший всю его жизнь

«Дорогой Хинпха, каждый раз, приезжая сюда, я выходил к пля-жу. В тот день я взял с собой сборник своих рассказов. Шёл к пляжу, где жена с сыном

ушли вперёд. Я хотел заказать параг-лайдинг, чтобы сын посмотрел. Жена не знала, что когда-то я был параглайдером. Я никогда ей не рассказывал.

Катер набрал скорость, вырвавшись из прибрежных волн. Па-рашют наполнился ветром и взмыл ввысь. Меня дёрнуло вслед за катером на долю секунды, прежде чем я почувствовал, как поднимаюсь в небо.

Тот параглайдер сидел, раскинув ноги на стропах. Он улыбался, сверкая белыми зубами. Я перекинулся с ним парой слов снизу. Налетел порывистый ветер. Я достал книгу и протянул ему. Он слегка удивился, но взял и засунул за пояс брюк. Затем устремил пустой взгляд к линии горизонта.

Катер повернул параллельно пляжу. С высоты я бросил взгляд на переулок Банг Ла - дорогу, где когда-то прозябал. Собирался навестить тётю Сват, которая обещала угостить в Оазисе. Она всем рассказывала, что я единственный, кто вернулся, и хвасталась, что дьявольские ветра не смогли меня погубить.

Я поднял голову и улыбнулся параглайдеру. Он улыбнулся в ответ. Я думал о ночи огней, которая ждала меня совсем скоро»

Хинпха приехал попрощаться с духом тёти Сват и Оазисом. На этот раз он мог исчезнуть на годы или даже никогда не вернуться. Хинпха решил объехать весь мир на велосипеде, когда понял, что дороги могут привести его на другую. Он оставил последнюю записку в Оазисе - листок с благодарностью и прощанием со Сварьей. Писал, что Банг Ла никогда не был для него прежним, но Банг Ла продолжал существовать, даже когда Оазис давно разрушился.

Он завершил свою записку словами:

«Впрочем, в Банг Ла никогда не было слова
“прощай”»